

УДК 2:28

<https://doi.org/10.26516/2073-3380.2025.54.172>

Сравнительный анализ специфики религиозной идентификации в авраамических религиях

М. З. Магомедова*

*Дагестанский федеральный исследовательский центр РАН, г. Махачкала,
Российская Федерация*

Аннотация. Проводится сравнительный анализ специфики формирования и проявления религиозной идентичности в рамках трех авраамических религий: иудаизма, христианства и ислама. Выявляется глубинное родство этих религий, выражающееся в их монотеизме, концепции Завета, центральной роли Писания, значении общины и ритуальных нормах. Отмечается, что уникальная идентичность каждой традиции парадоксальным образом складывается из принципиальных расхождений по ключевым вопросам: в различиях божественного воплощения в Троице или абсолютном единстве, в роли Иисуса Христа, в характере Откровения, в механизмах спасения, в охвате религиозного законодательства, в устройстве религиозных институтов и в соотношении религиозной и этнической принадлежности. Указывается, что данные различия служат одновременно источником взаимного признания и почвой для теологических дискуссий. На основе компаративного подхода исследуются ключевые факторы, структурирующие религиозную идентификацию. Выявлены как общие черты, проистекающие из общего теистического фундамента и идеи богооткровения, так и принципиальные различия, обусловленные уникальным теологическим и историческим развитием каждой религиозной традиции. Результаты исследования свидетельствуют о том, что религиозная идентичность обладает сложной структурой, детерминированной взаимодействием доктринальных, ритуальных и социокультурных факторов. Настоящая работа вносит значительный вклад в область сравнительного религиоведения, углубляя понимание механизмов формирования и трансформации религиозной идентификации.

Ключевые слова: религиозная идентификация, иудаизм, христианство, ислам, религиоведение, теология, этноконфессиональность.

Для цитирования: Магомедова М. З. Сравнительный анализ специфики религиозной идентификации в авраамических религиях // Известия Иркутского государственного университета. Серия Политология. Религиоведение. 2025. Т. 54. С. 172–183. <https://doi.org/10.26516/2073-3380.2025.54.172>

Original article

Comparative Analysis of the Specifics of Religious Identification in Abrahamic Religions

M. Z. Magomedova*

Dagestan Federal Research Center of Russian Academy of Sciences, Makhachkala, Russian Federation

Abstract. The article is devoted to a comparative analysis of the specifics of the formation and manifestation of religious identity within the three Abrahamic religions: Judaism, Christianity and Islam. The study reveals a deep kinship of these religions, expressed in their monotheism, the concept of the Covenant, the central role of the Scripture, the importance of community and ritual norms. However, the unique identity of each tradition paradoxically consists of fundamental differences on key issues: in the differences in the divine incarnation in the Trinity or absolute unity, in the role of Jesus Christ, in the nature of Revelation, in the mechanisms of salvation, in the scope of religious legislation, in the structure of religious institutions and in the relationship between religious and ethnic affiliation. These differences serve simultaneously as a source of mutual recognition and a basis for theological discussions. Based on a comparative approach, the key factors structuring religious identification are studied. Both common features arising from a common theistic foundation and the idea of revelation and fundamental differences caused by the unique theological and historical development of each religious tradition are revealed. The results of the study indicate that religious identity has a complex structure determined by the interaction of doctrinal, ritual and socio-cultural factors. This work makes a significant contribution to the field of comparative religious studies, deepening the understanding of the mechanisms of formation and transformation of religious identification.

Keywords: religious identification, Judaism, Christianity, Islam, religious studies, theology, ethno-confessionalism.

For citation: Magomedova M.Z. Comparative Analysis of the Specifics of Religious Identification in Abrahamic Religions. *The Bulletin of Irkutsk State University. Series Political Science and Religion Studies*, 2025, vol. 54, pp. 172-183. <https://doi.org/10.26516/2073-3380.2025.54.172> (in Russian)

Проблема религиозной идентичности остается одной из центральных в истории и социологии религии, антропологии и теологии. В условиях глобализации и секуляризации понимание механизмов формирования и поддержания религиозной идентичности приобретает особую актуальность. Иудаизм, христианство и ислам объединяет вера в единого Бога. Авраамические религии, обладая общим теистическим фундаментом и идеей богооткровения, демонстрируют значительное разнообразие в подходах к определению и выражению принадлежности верующего к данной религиозной традиции. Рассматриваемые религии проповедуют проверенные веками общечеловеческие ценности: уважение к человеку, уважение к старости, важность дара жизни и осмысленное ее проживание и др. «Иудаизм, христианство и ислам образуют особый духовный, теологический и культурный комплекс, который отличается от всех других религий мира самим фактом своего прошлого и общей веры в единого Бога» [6, с. 6]. Целью данной статьи является выявление специфики религиозной идентификации в каждой из трех авраамических религий через сравнительный анализ ключевых факторов, ее конституирующих: теологических оснований, роли священных текстов и догматов, значения ритуальной практики и норм, институциональных аспектов и соотношения этнического с религиозным.

Исследование базируется на компаративном подходе в религиоведении, используются методы анализа текстов (священных писаний, богословских трудов), институционального и функционального анализа, а также концепции социальной идентичности и теории границ [10, р. 10–15]. Религиозная идентификация понимается как процесс и результат самоотнесения индивида к определенной религиозной традиции, включающий когнитивный (верование), аффективный (чувство принадлежности) и поведенческий (ритуаль-

ная практика) компоненты. Сравнение проводится по нескольким ключевым параметрам. В качестве исходной концептуальной основы для анализа религиозных систем авраамических религий, прежде всего, выделяется *теологический фундамент*. Данный базовый уровень включает в себя системообразующие представления о Боге или сакральной реальности, а также основополагающие принципы Завета и пути к спасению или оправданию. Следующим ключевым основанием выступает *доктринально-текстуальный аспект*. Здесь первостепенное значение приобретают нормативные священные тексты, роль которых заключается в фиксации и передаче догматических установлений и вероисповедных постулатов, в формировании нормативного ядра религиозной идентификации. Одновременно с этим *ритуально-нормативный аспект* фокусируется на конституирующей роли обрядовой практики и строгом соблюдении религиозно-правовых предписаний (таких как галаха, каноническое право и шариат), которые служат действенными маркерами религиозной идентичности и средствами поддержания границ общности. В свою очередь, *институционально-общинный аспект* подчеркивает значимость структуры и функций религиозных институтов, а также фундаментальное значение принадлежности к конкретной общине верующих как форме социальной организации и интеграции. Наконец, *этноконфессиональный аспект* специфически направлен на исследование сложного взаимодействия и взаимовлияния религиозной принадлежности, с одной стороны, и этнической или национальной идентичности – с другой, рассматриваются специфические случаи их слияния или напряженного соотношения.

Для иудаизма, христианства и ислама первичными сближающими факторами являются место возникновения – Ближний Восток и роль, которую они придают личности пророка Авраама (Ибрахима), «скрепляющего» все три религии. Все ветхозаветные пророки и центральная фигура христианства Иисус Христос (пророк Иса) занимают важное место и в Коране. Сам Мухаммад, создавший предпосылки для формирования исторического сознания арабов и их органическое вхождение в мировую человеческую цивилизацию, признавал его выдающуюся роль:

«Ведь не был Ибрахим ни иудеем
И ни поборником Христа,
А был он верным Господу, покорным Его воле
И в поклонение Ему других божеств не измышлял.
Поистине, среди людей всех ближе к Ибрахиму
Те, кто пошел его путем, Кто следует стезею этого пророка,
И те, кто Господу предался (всей душой)» [Коран 3; 67, 68]¹.

Главная претензия ислама к иудаизму и христианству заключается в том, что они якобы исказили Священное Писание – тезис, обосновывающий различия между ними:

«И иудеи говорят: “У христиан основы нет”.
И христиане говорят: “Основа иудеи не имеют”,

¹ Коран / пер. смыслов и коммент. Иман Валерии Пороховой. М. : РИПОЛ классик, 2019. 800 с.

Хотя читают ту же Книгу.
Подобно этим же словам звучат и речи тех,
Которые (пока) не разумеют.
В День Воскресения, поистине Аллах
Меж ними разрешит все споры» [Коран 2; 113].

«Иудаизм, христианство и ислам равным образом являются религиями откровения, полученными только благодаря религиозному опыту общения с Богом, каковой приписывается традицией Моисею (“беседовавшему” с Богом на горе Синай, Иисусу Христу (единородному Сыну Божьему в христианстве и одному из пророков в исламе) и Мухаммаду, получившему кораническое откровение от Бога или непосредственно, или через посредство ангела Джибраила (Гавриила). Именно опыт этих личностей, согласно традиции, и лег в основу принципов созданных ими религий» [5, с. 205]. Догмат о боговоплощении в христианстве утверждает, что Иисус был сыном Божиим, воплотившимся и явившимся людям в человеческом облике. В соответствии с Кораном Бог посылал своих посланцев каждой общине и одним из них был пророк Иса:

«Скажи, (о Мухаммад!): “Мы веруем в Аллаха и (в Откровение),
Что Он нам ниспослал,
И в то, что ниспослал Он Ибрахиму,
Исмаилу, Исхаку и Йакубу,
И (всем двенадцати израильским) коленам,
И в то, что Мусе Он послал,
И что другим пророкам снизошло, –
Меж ними мы не делаем различий, –
И лишь Единому Ему мы предаемся”» [Коран 3; 84].

Несмотря на то что исламское вероучение основано на принципе абсолютного единобожия и признания того, что полным знанием обладает только Бог, пророк Мухаммад с самого основания исламской общины занял в ней уникальное место. Он стал образцом для подражания (аль-усва аль-хасана), а Сунна – вторым после Корана источником вероучения и права, без приписывания Мухаммаду божественных качеств.

В иудаизме идентичность изначально строится на идее избранности евреев и Завета между Богом (Яхве) и народом Израиля. Это создает неразрывную связь между религиозной и этнической принадлежностью, особенно в ортодоксальном иудаизме. Быть евреем часто означает быть частью этого Завета. Вера в иудейской религиозной терминологии означает не «веру» в смысле «Я верю, что...», сколько «доверие» («Я верю в...»). Под верой подразумевается не столько набор догм, которые можно описать без необходимости верить в них, сколько установка, которая, будучи однажды принятой, служит основанием для действия [5, с. 204]. Практическая идентификация выражена, прежде всего, через соблюдение Галахи – совокупности религиозных, этических и правовых предписаний иудаизма, выводимых из Торы и Талмуда. Ритуалы (шаббат, кашрут, обрезание, праздники) являются ключевыми маркерами иудейской идентичности и поддержания границ общины.

Локальная община (кехила) играет центральную роль в религиозной и социальной жизни. Синагога представляет собой не только место молитвы, но и центр общинной жизни. Иудаизм менее догматичен, чем христианство и ислам. Акцент смещен с точности вероучения (хотя основы есть – 13 принципов Маймонида) на правильность действия, вера в единого Бога и богооткровенность Торы обязательны [2, с. 101]. Этнический компонент (еврей равно иудей) традиционно являлся основополагающим для религиозной идентификации, хотя обращение возможно.

Идентификация в христианстве концентрируется вокруг личности Иисуса Христа как Сына Божьего и Спасителя. А крещение воспринимается как таинство вхождения в Церковь и является ключевым актом первичной идентификации. Догматические исповедания веры (Апостольский, Никео-Цареградский символы веры) играют действительно важную роль в определении ортодоксии и границ идентичности. «Верую...» (Credo) – акт самоидентификации. Ортодоксия (правильная вера) часто ставится выше ортопраксии (правильного действия). Принадлежность к Церкви как мистическому Телу Христову является сущностной. Участие в таинствах (особенно Евхаристии) укрепляет и проявляет идентичность. Структура церковных институтов (особенно в католицизме и православии) сильно влияет на идентификацию. Христианство характеризуется высоким уровнем конфессионального разнообразия (католицизм, православие, протестантизм). Идентификация часто происходит на уровне конкретной конфессии или деноминации, каждая из которых имеет свои доктринальные и практические акценты. В большинстве традиций религиозная идентичность отделена от этнической. Христианство и ислам изначально позиционировали себя как универсальные религии, открытые для всех народов, хотя иудаизм уже вышел за рамки национальной религии, но мировой так не стал.

Основой идентификации в исламе выступает произнесение шахады «Нет божества, кроме Аллаха, и Мухаммад – посланник Аллаха», акта веры и вступления в общину. Ключевая концепция – ислам (покорность воле единого Бога – Аллаха). Принадлежность к глобальной общине верующих – умме – является фундаментальным аспектом идентичности. Религиозная идентификация тесно связана с соблюдением Шариата (Божественного закона) и пяти столпов ислама (шахада, намаз, закят, пост, хадж), которые структурируют жизнь мусульманина и служат явными маркерами идентичности. Пятикратная молитва в исламе (намаз/саят), особенно коллективная по пятницам, постоянно актуализирует связь мусульманина с Богом и общиной. Строгое единобожие (таухид) является центральным догматом для мусульманина. В исламе отсутствует церковная иерархия или священство в христианском смысле, основанное на таинстве рукоположения. В суннитском исламе религиозные авторитеты (имамы, муфтии, улемы) обладают влиянием в силу своих знаний и признания общиной, а не в силу сана. В то же время в шиизме (имамитского толка) сформировалась формализованная богословско-правовая иерархия (от муджтахидов до аятоллы), которая, не будучи аналогичной христианскому клиру, играет ключевую роль в духовном и пра-

вовом руководстве общиной. Роль богословов велика, но идентификация индивида опирается, прежде всего, на прямую связь с Богом через Коран, Сунну и принадлежность к умме. Этническое происхождение не является препятствием для вступления в умму (через произнесение шахады), хотя в ряде культур существует тесная связь ислама с национальной идентичностью.

Таким образом, авраамические религии – иудаизм, христианство и ислам – демонстрируют как глубокое родство, уходящее корнями в общую концепцию монотеизма и Завета, так и фундаментальные доктринальные и практические различия. Прежде всего, теологический фундамент этих традиций покоится на вере в единого трансцендентного Бога-Творца (Яхве в иудаизме, Троица в христианстве, Аллах в исламе), что является их объединяющим стержнем [9, р. 15–20]. Однако концепция Божественной природы радикально расходится: иудаизм и ислам настаивают на абсолютном единстве Бога, тогда как христианство формулирует догмат Троицы. Понятие Завета центрально для всех: в иудаизме это вечный союз с народом Израиля через Синайское откровение; христианство провозглашает Новый Завет через искупительную жертву Иисуса Христа; ислам утверждает окончательный Завет с человечеством через пророчество Мухаммада. Концепции спасения также существенно разнятся: иудаизм акцентирует коллективное избавление и жизнь по Торе в этом мире, христианство делает акцент на индивидуальном спасении через веру в Иисуса Христа как Спасителя. Хотя все христианские конфессии видят основу спасения в личности Иисуса Христа, но в различных вариациях. Для протестантизма характерен акцент на индивидуальном спасении через личную веру, для православия и католицизма спасение является экклезиальным: оно совершается Богом, но через сообщество верующих (Церковь), в единстве с которым человек участвует в божественной жизни через таинства. Ислам понимает спасение как достижение рая через покорность воле Аллаха, выраженную в шариате, веру (иман) и добрые дела.

Доктринально-текстуальный аспект подчеркивает роль священных текстов как источников Откровения и основы догматики. Иудаизм опирается на Танах и раввинистическую литературу (устную Тору – Мишну и Талмуд), где непрерывное толкование формирует живое предание. Формальные догматы менее жестки, но принципы Маймонида остаются влиятельными. Христианство признает Библию целиком и Ветхий, и Новый Завет священным текстом, причем Новый Завет (Евангелия, Послания) обладает уникальным авторитетом в христологии и сотериологии [7, р. 349]. Догматы (Троица, Боговоплощение), сформулированные Вселенскими соборами, и символы веры (Никео-Цареградский и др.) обязательны для веры. Ислам возводит Коран в статус несотворенного слова Аллаха, абсолютного и неизменного руководства. Сунна Пророка Мухаммада, фиксируемая в хадисах, является вторым по важности источником. Шахада обозначает символ веры мусульманина, главная идея которого состоит в объявлении принципа единства Аллаха в присутствии свидетелей. Публичное произнесение шахады является требованием, предъявляемым к тем, кто желает принять ислам.

Ритуально-нормативный аспект выявляет, как обряды и предписания формируют идентичность и повседневную жизнь. Для подавляющего большинства течений иудаизма (ортодоксального, консервативного, отчасти реформистского) Галаха – свод религиозных законов и этических принципов, основанный на Торе и раввинистической традиции, – является центральным элементом религиозной идентичности и практики. Однако ее роль и интерпретация варьируются в широких пределах: от строгого буквального соблюдения в ультраортодоксальных общинах до восприятия ее как трансформирующегося морально-культурного ориентира в таких течениях, как реконструктивизм и прогрессивный иудаизм. Кроме того, важно учитывать существование негалахических течений иудаизма, таких как караимизм и самаритянство, которые отвергают Талмуд – основу классической Галахи – и строят свою религиозную практику исключительно на Торе. Христианство переосмыслило ветхозаветные ритуальные предписания, выдвинув на первый план моральные императивы Нагорной проповеди и разработав собственную сакраментальную систему. При этом понимание средств спасения диверсифицировалось: если в католицизме и православии акцент делается на объективной силе таинств (Крещение, Евхаристия), то в протестантизме центральными становятся проповедь Слова Божьего и ответная личная вера, а таинства обретают подчиненный, символический статус. В исламе универсальными и обязательными маркерами принадлежности к умме являются пять столпов ислама и шариат, которые регламентируют все сферы жизни мусульманина. Предписания халяль/харам строго регулируют мусульманский образ жизни. «Согласно шариату, действия людей подразделяются на пять основных категорий: 1) обязательные, за невыполнение которых следует наказание (фард); 2) желательные, рекомендуемые к исполнению, но не обязательные (мандуб); 3) дозволенные (мубах); 4) предосудительные, т. е. осуждаемые, но не наказуемые (макрух); 5) запрещенные, наказуемые (харам) Такое четкое разграничение между разрешенными и запрещенными действиями является уникальным достижением ислама» [3, с. 20].

Понимание свободы воли во всех авраамических религиях не носит абсолютного характера. Она признается как данная Богом возможность выбирать между добром и злом. И этот выбор не предопределен божественным видением или внешними обстоятельствами. У человека всегда есть возможность проанализировать свой выбор с религиозной точки зрения и при необходимости скорректировать свой путь с помощью поста, молитвы и покаяния. Сравнительный анализ авраамических религий выявил специфические моменты: в исламе свобода воли Бога стоит априори над свободой воли человека, в то время как в христианстве главенствующим звеном в связке «Бог – человек» является свобода воли человека [4, с. 20], например в православии и арменианском протестантизме. Однако, существует и мощная противоположная традиция. Она восходит к блаженному Августину и достигает своей крайней формы в кальвинизме, отрицая свободу воли в вопросе спасения, утверждая абсолютный суверенитет и предопределяющую волю Бога. Генетическая связь авраамических религий и, прежде всего, сам факт их по-

следовательного возникновения на смежных территориях не стал побудительным мотивом для устранения догматических различий. Что касается гендерной идентификации, все религиозные традиции признают, что женщина подчинена мужчине, согласно божественной воле. Каждая из религий выработала собственные конкретные формы обособления женщины из публичной жизни общества. В традиционном ортодоксальном иудаизме роль жены и матери (ведение домашнего хозяйства и создание крепкой семьи) рассматривается как центральная миссия и высшая духовная ценность для женщины. Хотя было бы упрощением считать это ее единственным предназначением, роль женщины в иудаизме многогранна и по-разному трактуется в различных течениях и в разные исторические эпохи.

Исторически сложилось, что институциональная власть в христианстве была монополизирована мужчинами. Это основано на ряде новозаветных посланий, где женщинам предписывается учиться в безмолвии и не иметь власти над мужчиной (1-е Тимофею 2:11,12), а также быть покорными своим мужьям (Колоссянам 3:18; Ефессянам 5:22–24)². Эти тексты, наряду с примером того, что Христос избрал апостолами только мужчин, легли в основу доктрины о невозможности рукоположения женщин в священнический сан в католицизме и православии. Таким образом, высшие уровни церковной иерархии и принятия доктринальных решений были закрыты для женщин. Однако было бы ошибкой считать, что женщины в христианстве полностью исключались из публичной религиозной жизни. В монашеской традиции женщины могли достигать огромного духовного авторитета. Игуменьи крупных монастырей в Средние века обладали значительной властью, управляли обширными землями, влияли на политику и играли ключевую роль в образовании и благотворительности. Такие святые, как Екатерина Сиенская (католицизм) или Ксения Петербургская (православие), почитаются за свой публичный вклад и наставничество, включая обличение сильных мира сего. В протестантизме, особенно в его современных либеральных течениях (англиканство, лютеранство, методизм и др.), произошла значительная реформация взглядов. Здесь широко распространена практика женского пасторского служения и даже епископского сана. Фокус сместился с концепции «священнической власти» на «общее священство всех верующих», что открыло женщинам путь к публичному служению. Таким образом, в христианстве тенденция к обособлению женщин проявлялась, прежде всего, в ограничении их доступа к институциональной религиозной власти и священству, но это ограничение никогда не было абсолютным и компенсировалось другими формами публичного влияния, особенно в монашестве и мистике, а в современных течениях во многом преодолено.

В исламе положение женщины в публичной сфере является сложным и многогранным вопросом, определяемым религиозными текстами, правовыми школами (мазхабами), местными обычаями (адатом) и историческим контекстом. Коран и Сунна содержат аяты и хадисы, которые можно трактовать как утверждающие равенство мужчин и женщин перед Богом в вопросах веры и

² Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового завета. М. : Сиб. Благозвонница, 2016. 1488 с.

воздаяния, так и предписывающие разные социальные роли и нормы поведения. Ключевыми концепциями, влияющими на участие женщины в публичной жизни, являются идея о мужчинах как попечителях над женщинами и требования к скромности, которые распространяются на поведение и одежду женщин. Эти предписания в их консервативной интерпретации привели к возникновению в ряде мусульманских обществ практик гендерного разделения (гендерная сегрегация в общественных местах, транспорте, образовательных учреждениях), а также ношению различных форм одежды, скрывающей фигуру, лицо (хиджаб, никаб, бурка). Важно различать религиозный долг, который многие мусульманки добровольно принимают как форму благочестия и идентичности, и государственные законы или жесткие социальные нормы, принуждающие к этому, как, например, в Саудовской Аравии (до недавних реформ) или при режиме талибов в Афганистане. Однако исламская история и современность демонстрируют значительное разнообразие. В современную эпоху феномен «исламского феминизма» предлагает пересмотр религиозных текстов с целью выделения их эгалитарного посыла. Есть примеры мусульманских женщин, занимавших посты глав государств (Беназир Бхутто в Пакистане), работающих учеными, юристами и бизнес-леди, что свидетельствует о том, что интерпретация религиозных норм не является застывшей. Степень участия женщины в публичной жизни в мусульманском мире сегодня сильно зависит от страны: проживает ли она в строго консервативном обществе Персидского залива или в более секуляризованных Тунисе или Индонезии. Таким образом, обособление женщины в исламе не является универсальной догмой, а скорее результатом специфического консервативного прочтения религиозных источников, усиленного патриархальными культурными традициями, которое оспаривается и переосмысливается как изнутри, так и извне мусульманского сообщества.

Авраамические религии нуждаются в модернизации части положений, касающихся вопросов семьи и брака. Религия как традиционный институт консервативен в вопросах, касающихся положения женщины, семьи, детей, распределения социальных ролей. Ни в одной из религий не обеспечивается подлинное равенство между мужчиной и женщиной. Иудаизм и христианство представляют женщину в качестве орудия искушения и первоисточника грехопадения. В своем учении о женщине ислам исходит из принципа взаимодополняемости полов. Совместная жизнь мужчины и женщины в браке также отличает исламское вероучение от иудаистского и христианского, особенно от последнего, где брак является таинством, совершаемом на Небесах. Исламский брак земной, реальный с четким разграничением супружеских обязанностей в семейном быту и правом наследования, поэтому семейно-брачные отношения являются неотъемлемой частью религиозного права, хотя и здесь просматривается некоторая двойственность положения мужчины и женщины. Например, женщина может наследовать своему мужу и детям, но в меньшем размере, чем мужчина, что объясняется особыми материально-экономическими обязательствами последнего как покровителя, защитника и кормильца семьи [1, с. 25].

Наконец, этноконфессиональный аспект исследует взаимодействие религии и идентичности. В иудаизме связь религиозной и этнической идентичности наиболее тесна и исторически обусловлена. Принадлежность к народу Израилеву часто определяется рождением и является неотъемлемой частью религии. Сионизм подчеркивает эту связь с Землей Израиля. Христианство изначально носило универсальный характер отделяя религиозную идентичность от этнической и активно миссионерствуя. Однако исторически возникал глубокий симбиоз с национальными культурами (например, русское православие). Ислам также обладал сильным универсализмом (приоритет уммы над нацией) и активно распространялся среди разных народов. Хотя религиозная идентичность первична, существует идеал единства уммы, а арабская культура имеет особый статус из-за языка Корана, что порой создает напряжение [8, р. 50–52]. Концепция «мусульманской нации» конкурирует с секулярным национализмом.

Сравнительный анализ выявляет как общие паттерны, так и существенные различия в механизмах религиозной идентификации авраамических религий. Проведенное исследование выявило следующие ключевые детерминанты религиозной идентичности в иудаизме, христианстве и исламе: монотеизм как ее концептуальное основание, признание авторитета богооткровенных текстов, формирующих вероучение и нормативные рамки, центральная роль религиозной общины в социальном аспекте идентификации, ритуальная практика, выступающая ключевым маркером идентичности, а также объединяющая, но интерпретационно вариативная идея Завета с Богом.

Исследование выявило также существующие различия в религиозной идентификации авраамических религий: ритуалы инициации демонстрируют вариативность – от акцентированно единовременных актов (крещение в христианстве, шахада в исламе) до преимущественно врожденного статуса с ритуальным подтверждением (обрезание в иудаизме). Дифференцируются смысловые центры идентичности: народ Завета и Галаха в иудаизме, личность Иисуса Христа и догматическое исповедание в христианстве, покорность Аллаху, шахада и шариат в исламе. Критерии аутентичности смещаются от христианской догматической точности (ортодоксии) к ортопраксису в иудаизме и исламе, где при сохранении базовых догматов больший акцент делается на правильности действий и соблюдении закона. Этноконфессиональная связь больше выражена в иудаизме, тогда как христианство и ислам, сохраняя универсалистскую доктрину, проявляют культурно-национальную гетерогенность в практике. Институциональные модели в рассматриваемых религиях варьируются от централизованных иерархических структур (католицизм, православие) до полицентричных систем авторитета (раввины в иудаизме, улемы в исламе).

Религиозная идентификация в авраамических религиях представляет собой сложный, многоаспектный процесс, структурируемый уникальным сочетанием теологических доктрин, ритуальных практик, нормативных систем и общинных связей. Несмотря на общее наследие монотеизма и идеи откровения, иудаизм, христианство и ислам выработали вариативные отчет-

ливо различные модели идентичности. Иудаизм подчеркивает уникальность Завета с избранным народом, где религиозная идентичность неразрывно связана с этнической принадлежностью и реализуется традиционно через скрупулезное соблюдение Галахи в рамках локальной Кехилы. Религиозная идентичность в христианстве ключевым аспектом считает веру в Иисуса Христа как Спасителя и Сына Божьего, выраженную в догматических исповеданиях и подтверждаемую участием в жизни Церкви и ее таинствах, при этом отделяя религиозную принадлежность от этнической. Идентичность в исламе основывается на акте абсолютной покорности единому Богу, засвидетельствованной шахадой и проявляющейся в соблюдении шариата и пяти столпов, объединяющих верующих в глобальную умму надэтническую по замыслу.

Сравнительный анализ наглядно демонстрирует глубинное родство иудаизма, христианства и ислама, выражающееся в монотеизме, концепции Завета, значимости Писания, общины и ритуальной практики. Однако фундаментальные расхождения в понимании природы Бога (Троица и строгий монотеизм), фигуры Иисуса Христа, природы Откровения, механизмов спасения, объема религиозного закона (Галаха, шариат и таинства), структуры религиозных институтов, и особенно соотношение религии и этноса (этническая религия и универсализм), формируют уникальные идентичности каждой религиозной традиции и являются источниками как взаимного уважения, так и богословского диалога и полемики. «К специфическим моментам также относятся понимание греха как болезни души в христианстве, в исламе же как отступления от заповедей Всевышнего. В христианстве первородный грех понимается как первопричина зла в человеке, в исламе акцент делается на предопределении всего сущего Аллахом и т. д.» [4, с. 22]. Понимание идентификационных нюансов имеет не только академическое значение для сравнительного религиоведения, но и практическую ценность в контексте этноконфессионального диалога в современном мире. Дальнейшее исследование будет направлено на анализ внутриконфессиональных различий (например, ортодоксальный/реформистский иудаизм; различные христианские конфессии; суннизм/шиизм) и влияние процессов модернизации и глобализации на модели религиозной идентификации в авраамических традициях.

Список литературы

1. Гаджимурадова Г. И. Общее, особенное и единичное в системе взглядов на женщину в авраамических религиях : автореф. дис. ... канд. филос. Наук : 09.0013. Махачкала, 2005. 28 с.
2. Кац Я. Традиция и кризис: Еврейское общество на исходе Средних веков / пер. с англ. Я. Эдельштейна ; под ред. Д. Раскиной. М. : Мосты культуры / Гешарим, 2010. 368 с.
3. Магомедова М. З. Мусульманский образ жизни: истоки и современность: автореферат дис. ... канд. филос. Наук : 09.0013. Махачкала, 2002. 22 с.
4. Низаев М. А. Понятие «свободы воли» в христианстве и исламе : автореф. дис. ... канд. филос. наук : 09.0013. М., 2009. 25 с.
5. Осипова Н. Г., Елишев С. О. Религия: социологический анализ. М. : Перспектива, 2022. 436 с.
6. Словарь религий: иудаизм, христианство и ислам / под ред. В. Зюбера, Ж. Потэна. СПб. : Питер, 2008. 656 с.

7. Barton J. A History of the Bible: The Book and Its Faiths. London : Allen Lane, 2019. 613 p.
8. Esposito J. L. Islam: The Straight Path (5th ed.). Oxford University Press, 2016. 352 p.
9. Peters F. E. The Monotheists. Jews, Christians, and Muslims in Conflict and Competition. Vol. 1 & 2. Princeton University Press, 2018. 808 p.
10. Tajfel H., Turner J. The social identity theory of intergroup behavior // Psychology of Intergroup Relations / ed. by Wochel S., Austin W. G. Chicago : Nelson, 1986. P. 7–24.

References

1. Gadzhimuradova G.I. *Obshchee, osobennoe i edinichnoe v sisteme vzglyadov na zhenshchinu v avraamicheskikh religiyah* [General, special and unique in the system of views on women in Abrahamic religions]. Cand. sci. dis. abstr. Mahachkala, Publ., 2005, 28 p. (in Russian)
2. Kac Ya. *Tradiciya i krizis: Evrejskoe obshchestvo na iskhode Srednih vekov* [Tradition and Crisis: Jewish Society at the End of the Middle Ages]. Transl. by Ya. Edelshtejna. Ed. D. Raskinoj. Moscow, Mosty kultury, Gesharim Publ., 2010, 368 p. (in Russian)
3. Magomedova M.Z. *Musul'manskij obraz zhizni: istoki i sovremennost* [Muslim Lifestyle: Origins and Modernity]. Cand. sci. dis. abstr. Mahachkala, Publ., 2002, 22 p. (in Russian)
4. Nizaev M.A. *Ponyatie "svobody voli" v hristianstve i islame* [The concept of "free will" in Christianity and Islam]. Cand. sci. dis. abstr. Moscow, Publ., 2009. 25 p. (in Russian)
5. Osipova N.G., Elishev S.O. *Religiya: sociologicheskij analiz* [Religion: Sociological Analysis]. Moscow, Perspektiva Publ., 2022, 436 p. (in Russian)
6. *Slovar religij: iudaizm, hristianstvo i islam* [Dictionary of religions: Judaism, Christianity and Islam]. Eds. V. Zyuber, Zh. Poten. Saint Petersburg, Piter Publ., 2008, 656 p. (in Russian)
7. Barton J. *A History of the Bible: The Book and Its Faiths*. London, Allen Lane, 2019, 613 p.
8. Esposito J.L. *Islam: The Straight Path. 5th ed.* Oxford University Press, 2016, 352 p.
9. Peters F.E. The Monotheists: Jews, Christians, and Muslims in Conflict and Competition, vols. 1, 2. Princeton University Press, 2018, 808 p.
10. Tajfel H., Turner J. The social identity theory of intergroup behaviour. *Psychology of Intergroup Relations*. Eds. Wochel S., Austin W. G. Chicago, Nelson, 1986, pp. 7-24.

Сведения об авторе

Магомедова Мадина Зайнудиновна
кандидат философских наук, ведущий
научный сотрудник, Региональный центр
этнополитических исследований
Дагестанский федеральный
исследовательский центр РАН
Российская Федерация, 367025 г. Махачкала,
ул. М. Гаджиева, 45
e-mail: spirow@mail.ru
ORCID:0000-0002-1527-937X

Information about the author

Magomedova Madina Zaynudinovna
Candidate of Sciences (Philosophy), Leading
Research Scientist, Regional Center of
Ethnopolitical Sciences
Dagestan Federal Research Center RAS
45, M. Gadzhiev st., Makhachkala, 367025,
Russian Federation
e-mail: spirow@mail.ru
ORCID:0000-0002-1527-937X